

(то долгое сѣденіе и бешестіе доспеют). — Чадо, къ дрѹгѹ своему часто не ході, егда в бесчестіе выдеши. — Снѹ, лѹчесть ѿ мѹдра бѣнѹ быті, нежелі ѿ безмѣна маслом мазнѹ (=мазану). Снѹ и чадо мое, ѹже наѹчѹх та ѿ Хѣ Вѣсѣ (=Христѣ Іисусѣ) (иже наоучѹх та и прими и разсоуди и еже ти боудѹт на ползѹ).

Нельзя не замѣтить сходства, по литературному характеру, между этимъ произведеніемъ и тѣми, которые приведены нами выше: та же афористическая форма и тѣже авторскіе приемы во всѣхъ приведенныхъ памятникахъ. Авторъ послѣдняго изъ нихъ также неизвѣстенъ; названіе же «Поученія отъ Святыхъ книгъ», не можетъ быть въ строгомъ смыслѣ допущено для сочиненія, въ которомъ при заимствованіяхъ изъ Св. Писанія находятся правила житейской мудрости, принадлежащія лично автору. Но въ древности подобныя правила вовсе не казались чѣмъ либо совершенно отдѣльнымъ отъ предписаній религіи: все, что истинно, благородно или только благоразумно считалось какъ бы священнымъ и къ соблюденію его побуждало религіозное чувство. Такъ какъ религіознымъ настроеніемъ объясняется присутствіе священныхъ для христіанскаго міра именъ на сочиненіяхъ Русскихъ авторовъ, то позволимъ себѣ нѣсколько словъ въ подтвержденіе того, что въ древній періодъ нашей жизни и словесности религіозное начало преобладало во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности, въ общественныхъ отношеніяхъ, въ домашнемъ бытѣ. Въ преобладаніи этого начала и заключается причина, по которой понятія справедливаго, добраго, прекраснаго и даже приличнаго были нераздѣльны съ понятіемъ религіознаго. Особенно ярки и любопытны слѣды религіознаго воззрѣнія въ сферѣ самой обыкновенной, ежедневной жизни и ея простыхъ потребностей. То, что впоследствии является условіемъ общественнаго приличія, не болѣе, встарину имѣло высокое значеніе, вытекавшее изъ религіознаго взгляда на вещи. Такъ, напримѣръ, еще къ XI столѣтію правилами Русскаго обществѣ требовалось: при входѣ въ чужой домъ поклониться въ землю хозяину и стать передъ нимъ съ сложенными руками, опустить же руки считалось невѣжливымъ и даже дерзкимъ. И это требованіе не было простымъ условіемъ приличія, а основывалось, по свидѣтельству Русскаго писателя XI вѣка, на примѣрѣ Христа, смиренно стоявшаго передъ Пилатомъ. Пр. Θεοδοσίη въ одномъ изъ своихъ поученій къ братіи предлагаетъ наставленія о томъ, какъ вести себя въ церкви, сближая предлагаемыя правила съ требованіями общественнаго приличія внѣ храма. «Егда

бо и къ дрѹгомѹ приходишь, — говоритъ онъ — то достовѣрѣ намъ поклоненіе створше до земли и связавше рѣцѣ, аки раба Бжію стати прѣдъ нимъ, и Христа о сѣмъ подражающе видимъ бо Его предстоаща прѣдъ Пилатомъ и порѹгаема и не рѣща (глаголюща) ничсѹже. И повелѣно ны е (есть) другомѹ толкы чѣсти дати смиренія ради, имже добродѣтельныя вѣща оукрашаемъ. Еже бо не поклонитися дрѹгоу своему и *руцѹ долоу повѣсити*, то неродивыхъ моужъ и ленивыхъ и *ѿ оумлѣтрацихся*»). Впоследствии хотя долго держался обычай, но смыслъ его былъ уже потерянъ: въ XVII вѣкѣ кланялись еще въ землю люди вѣжливыя **), но вѣроятно безъ мысли о религіозномъ источникѣ обычая. Въ XVIII же вѣкѣ и самый обычай забытъ въ кругу образованномъ. Въ драматическихъ произведеніяхъ XVIII в. замѣчаніями: «кланяется низко, съ низкимъ поклономъ» и т. д., авторы хотѣли указать зрителямъ съ перваго взгляда на принадлежность выведеннаго лица извѣстному и весьма невысокому сословію. Низкіе поклоны какого-нибудь Некопѣйкова также рисовали его сословіе и отличали отъ другихъ лицъ, какъ внѣшніе приемы отличали Мавру, выходящую на сцену «смиѣя руки въ карманахъ» отъ Софьи, которая часто «присѣдаетъ на право и на лѣво, прижимая руки къ себѣ и глаза въ землю опускаетъ» ***). Замѣтельно, что даже во внѣшнихъ обычаяхъ высказалось различіе, замѣчаемое между древнею Россіею и новою. Какъ въ древній періодъ религіозное воззрѣніе давало смыслъ обычаю, такъ въ началѣ XVIII в. на внѣшнихъ даже формахъ обществѣ обнаруживается вліяніе иностранное, отличающее бытъ нашъ и литературу нашу въ XVIII столѣтіи. По крайней мѣрѣ встрѣчающіяся въ литературныхъ памятникахъ указанія довольно ясно говорятъ о подражаніи тону Французскаго общества. Черты въ родѣ слѣдующихъ въ сочиненіи Императрицы

*) Въ пятѹкъ 3-й недѣли поста св. Θεοδοσίη поученіе о трѣхъвѣннѣхъ и о смиреніи. л. 112 об. въ Соборникѣ, рукописи Румянцевскаго Музеума, № 406.

**) Ср. О Россіи въ царствованіе Алексіа Михайловича, Кошкина. 1840. стр. 118—119: «Обычай же таковъ есть: гости женамъ ихъ (хозяевъ) кланяются всѣ ѿ земли, и потомъ господинѣ дому бѣгѣ челомъ гостемъ и кланяется ѿ землю жѣ, чтобъ гости жену его изволили цѣловать; гости единъ по единѹ кланяются женамъ ихъ (хозяевъ) ѿ землю жѣ, и пришедъ цѣлуютъ, и отшедъ кланяются ѿ землю, а та, кого цѣлуютъ, кланяется гостемъ малымъ обычаемъ; и тотъ господинъ кланяется ѿ землю жѣ, сколько тѣхъ гостей ни бѣдетъ, всякому по поклону, чтобъ они изволили у жены его пити вино, гости предъ питьемъ вина и выпивъ отдавъ чарку назадъ, кланяются ѿ землю жѣ и т. д.

***). Сочиненія Императрицы Екатерины II. 1849. Томъ II, стр. 179. — Россійскій Театръ. Часть XIII. 1787. стр. 177, 105, 109 и др.